

Нравственность душевно-больныхъ *).

Н. Н. Ланге, производя надъ собою опыты съ гашишемъ, подмѣтилъ весьма важный фактъ, что „съ окончательнымъ ослабленіемъ воли и активной мысли ослабѣли нравственныея чувства“ **). То же самое я замѣтилъ, экспериментируя надъ собою съ закисью азота. Однажды передъ опытомъ я со- жалѣлъ о сдѣланной мною ошибкѣ, зависѣвшей отъ того, что я полѣнился хорошо ознакомиться съ дѣломъ. Подъ вліяніемъ закиси азота это угрызеніе совѣсти совершенно исчезло и замѣнилось соображеніями, что ошибка для меня лично вредныхъ результатовъ имѣть не будетъ, что о такихъ пустякахъ не стоитъ беспокоиться и т. п. Продолжительное употребленіе морфія, не вліяя въ большинствѣ случаевъ на чисто умственную дѣятельность, прежде всего дѣйствуетъ притупляющимъ образомъ на нравственныея чувствованія, и весьма долго единственное вліяніе морфія на психическую дѣятельность ограничивается прогрессирующими понижениемъ нравственности морфиниста, т. е. отравленіе нервной системы влечеть за собою упадокъ нрав-

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи IV съѣзда русскихъ врачей, происходившемъ въ Москвѣ 10-го января текущаго года. Печатается въ дополненномъ видѣ.

**) О дѣйствіи гашиша. „Вопросы Философіи“ 1889 г., кн. I, стр. 149.

ственности. Это фактъ хорошо извѣстный, и потому нѣтъ надобности на немъ останавливаться. Еще болѣе изучено разрушительное дѣйствие на этическую сторону человѣка спиртныхъ напитковъ. Всѣми признается, что злоупотребленіе спиртными напитками прежде всего дѣлаетъ пьяницу безнравственнымъ, и лишь послѣ болѣе или менѣе продолжительного періода, когда весьма значительная деградація нравственности составляетъ единственный симптомъ отравленія нервной системы, наступаютъ разстройства умственной дѣятельности.

И такъ, искусственное разрушеніе, ослабленіе нервной системы раньше всего вызываетъ пониженіе нравственности и только при дальнѣйшемъ разрушеніи нервной системы наступаетъ и ослабленіе умственной дѣятельности. Слѣдовательно, нравственное совершенство требуетъ еще болѣе здороваго состоянія нервной системы, чѣмъ умственная дѣятельность, и зависимость между нравственностью и патологическимъ состояніемъ нервной системы можно разъяснить при помощи наблюденій надъ душевно-больными, т.-е. изучая разрушеніе нервной системы, производимое самою природою. Нѣкоторые душевно-больные отлично разсуждаютъ обо всемъ, а многіе въ умственномъ отношеніи выше средняго уровня, но всякаго внимательного наблюдателя поражаетъ, что у всѣхъ ихъ нѣтъ нравственныхъ идеаловъ, почти у всѣхъ нѣтъ способности жертвовать удовольствіями минуты въ видахъ выгоды въ будущемъ, и у многихъ—полное безучастіе ко всѣмъ, кромѣ себя.

I.

Полное безучастіе къ страданіямъ и радостямъ близкихъ больше всего бросается въ глаза. Это явленіе наиболѣе простое въ психологическомъ отношеніи, и потому лучше всего начать съ разбора этого факта.

Весьма легко судить о степени болѣзненнаго состоянія всякаго душевно-больного по тому, на сколько онъ сочувстуетъ ближнимъ. Многіе больные положительно не обра-

щають никакого вниманія на предсмертныя мученія своего сосѣда по кровати; между тѣмъ, если имъ не додана папироса, то они употреблять всѣ старанія—и самыя благоразумныя—вернуть потерянное. Если пациентъ начинаетъ обращать вниманіе на положеніе близкихъ, обнаруживать сочувствіе, а тѣмъ болѣе дѣлать что-либо для другихъ подъ вліяніемъ этихъ мотивовъ, то это, въ моихъ глазахъ, самый вѣрный признакъ улучшенія его состоянія. Самый безсердечный эгоизмъ, самое полное равнодушіе ко всему, кроме собственныхъ ближайшихъ интересовъ, можно наблюдать только у душевно-больныхъ. Всѣ ихъ душевныя силы поглощены заботою о себѣ, у нихъ ничего не остается на радость и пользу близкихъ. Это отсутствіе или потуханіе сочувствія распространяется и на ближайшихъ родныхъ и вообще на лицъ, которыхъ больной раньше горячо любилъ. Нѣкоторые больные сознаютъ эту перемѣну въ себѣ и жалуются на то, что для нихъ стали совершенно безразличны радости и страданія любимыхъ ими лицъ. Тѣ, которые могутъ еще руководствоваться правилами, выработанными раньше, говорятъ,—что, если они и дѣлаютъ что-либо для другихъ, то безъ всякоаго чувствованія, что прежнихъ мотивовъ у нихъ уже нѣть, и что это имъ крайне тяжело.

Степень ослабленія альтруистическихъ чувствованій не соответствуетъ степени ослабленія умственныхъ силъ вообще. Врачи кроме того могутъ засвидѣтельствовать, что большинство страдающихъ хроническими болѣзнями, когда наступаетъ истощеніе нервной системы, становятся эгоистами при полномъ обладаніи своими умственными силами.

Такимъ образомъ, наблюдая разрушеніе психическихъ силъ, мы приходимъ къ заключенію, что сочувствіе ослабѣваетъ раньше и независимо отъ ослабленія умственныхъ силъ. Отсюда, повидимому, можно бы сдѣлать тотъ выводъ, что самое высокое умственное развитіе, сохраненіе всѣхъ умственныхъ силъ, не имѣеть никакого вліянія на объемъ сочувствія. Рядомъ съ этимъ отрицательнымъ заключеніемъ мы должны поставить другое, положительное: разрушеніе,

даже самое незначительное болѣзненное состояніе нервной системы влечеть за собою потуханіе сочувствія, или, говоря иначе, это чувствованіе возможно только при идеально-здоровой нервной системѣ. Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ о нервной системѣ, на сколько она служить субстратомъ психической дѣятельности, такъ какъ известны страданія нѣкоторыхъ отдѣловъ нервной системы, не имѣющія вліянія на психическую дѣятельность вообще и не влекущія за собою ослабленія сочувствія.

Переходя отъ фактовъ къ толкованію ихъ, нужно прежде всего оговориться, что нѣтъ болѣе спорной области, какъ ученіе о происхожденіи и нормахъ этики. При изученіи громадной литературы по этикѣ необходимо придти къ заключенію, что совершенно не разработаны самыя основы этой науки, что нѣтъ ни одного положенія ея, принимаемаго всѣми, что каждый авторъ создаетъ свое собственное учение. Это разнообразіе и противорѣчіе во взглядахъ объясняется чисто-теоретическимъ характеромъ этой науки, отсутствиемъ точныхъ наблюденій, которые могли бы лечь въ основу выводовъ. Попытка изученія нравственной стороны человѣчества путемъ наблюденія нравственности дикихъ, нецивилизованныхъ народовъ уже потому не могла увенчаться успѣхомъ, что мы не имѣемъ, да пока и не можемъ имѣть, не только точныхъ, но просто достовѣрныхъ описаній состоянія дикарей. Напр., П. Жане *) собралъ цѣлый рядъ наблюденій, которые сдѣланы весьма почтенными авторами и совершенно опровергаютъ общепринятые взгляды на безнравственность дикарей. Реэ, напротивъ, приводить много свидѣтельствъ полной безнравственности дикихъ и на основаніи этихъ данныхъ дѣлаетъ самые широкіе выводы первостепенной важности**). Этотъ большой пробѣль науки нравственности, думаю я, надо восполнить изученіемъ распада психической жизни, т. е. состоянія нравственности у душевно-больныхъ. Такой способъ изученія имѣеть то пре-

*) *P. Janet, La Morale, Par. 1874, стр. 391—447.*

**) *Ree, Die Entstehung des Gewissens, Berl. 1885.*

имущество, что, вмѣсто трудно провѣряемыхъ описаній путешевенниковъ, основой выводовъ будутъ служить точныя, научныя, доступныя провѣркѣ и поправкѣ наблюденія. Настоящій этюдъ и представляетъ первую попытку въ этомъ направленіи. Не задаваясь цѣлью создать какія-либо новыя теоріи, я ограничусь пока тѣмъ, что укажу, какія изъ гипотезъ и теорій въ ученіи о нравственности подтверждаются наиболѣе доказанными фактами изъ области психіатріи.

II.

Ученіемъ о нравственности занимались великие умы, которыми высказано такъ много предположеній, что остается только выбрать между самыми противорѣчащими взглядами то, что наиболѣе подтверждается фактами.

Между различными объясненіями происхожденія и значенія сочувствія наиболѣе вѣрно ученіе Гюйо *). Жить значитъ дѣйствовать. Человѣкъ невольно, по свойству своей природы, ищетъ дѣятельности для всѣхъ своихъ силъ, для всѣхъ своихъ способностей. Чѣмъ болѣе въ немъ жизни, слѣдовательно, чѣмъ здоровѣе его нервная система, тѣмъ болѣе обширна и интенсивна его дѣятельность вообще. Когда силь больше, чѣмъ нужно для сохраненія и поддержанія собственной жизни, когда ихъ больше, чѣмъ нужно для индивидуальной жизни, человѣкъ, стремясь дать исходъ своимъ силамъ, т. е. дѣйствовать, функционировать всѣми своими способностями, начинаетъ жить родовою жизнью, т.-е. жизнью человѣчества. *Quand on vit beaucoup, on ne vit pas pour soi seul*, говоритъ вполнѣ вѣрно Гюйо. Человѣкъ, любящій умственную дѣятельность, не можетъ думать только для себя, онъ стремится сообщить свои мысли другимъ. Сильное чувствованіе—какъ радость, такъ и горе—стремится передаться ближнимъ, увлечь ихъ въ томъ же направленіи. У человѣка нормального, т. е. съ здоровой нервной системой, по удачному выражению Гюйо, больше

*) *Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction*, стр. 7—26.

слезъ, чѣмъ нужно для оплакиванія собственного горя, больше веселости, чѣмъ нужно для собственного счастія. Нормальный, т. е. здоровый человѣкъ необходимо также долженъ работать,—иначе воля его будетъ бездѣятельна, а работать невозможно иначе, какъ съ другими и не для одного себя. И такъ, избытокъ психическихъ силъ ведетъ къ тому, что люди думаютъ не только о себѣ и для себя, но и о близкихъ и для близкихъ, чувствуютъ не только собственные радости и страданія, но и живутъ чувствами своихъ родныхъ, соотечественниковъ и, наконецъ, всего человѣчества, работаютъ не только для себя, но и для родныхъ, соплеменниковъ и всего человѣчества. Наконецъ, у натуръ, богато одаренныхъ, высшаго чувствованія—любви—такъ много, что онѣ могутъ любить близкихъ, какъ самихъ себя. Человѣкъ одинъ между животными *) обладаетъ сочувствіемъ къ страданіямъ людей и животныхъ, притомъ на столько интенсивнымъ, что иногда жертвуетъ своими эгоистическими интересами для прекращенія страданій близкихъ. Относительная величина, а потому и количество работы нервной системы человѣка сравнительно съ животными объясняютъ намъ возможность сочувствія въ душѣ человѣка. Гюйо въ подтвержденіе своихъ взглядовъ указываетъ на эгоизмъ евнуховъ, старииковъ и дѣтей, т. е. лицъ, психическая сила которыхъ недостаточны для того, чтобы жить жизнью другихъ. Къ сожалѣнію, этотъ геніальный мыслитель не зналъ психіатріи, которая даетъ самая убѣдительные доказательства справедливости его теоріи. Изученіе душевно-больныхъ приводитъ къ заключенію, что наиболѣе тонкій и точный показатель ослабленія психическихъ силъ—это ослабленіе любви къ ближнимъ. Едва-ли нужно доказывать, что любовь къ ближнимъ есть основа всей добродѣтели.

Мы знаемъ, что есть не мало несчастныхъ, которые спо-

*) Повидимому, собака тоже способна къ сочувствію. Я наблюдалъ собаку, которая каждый разъ жалобно визжала, когда кучерь ударялъ кнутомъ лошадь. Собаку эту никто и никогда не билъ.

собны къ умственному развитію, но несовершенство мозга, недостаточность психической организаціи которыхъ выражается только въ томъ, что они не способны сочувствовать страданіямъ другихъ. Вся дѣятельность этихъ нравственно-слабоумныхъ или, какъ ихъ еще называютъ, страдающихъ нравственнымъ помѣшательствомъ (Moral Insanity) направлена къ достижению собственныхъ, грубо-эгоистичныхъ наслажденій, при чемъ они, конечно, не останавливаются ни передъ чѣмъ, кроме страха за собственные интересы. Жизнь этихъ несчастныхъ, обдѣленныхъ природою,— самое жалкое существованіе, даже при самыхъ счастливыхъ внѣшнихъ условіяхъ. Такіе нравственные уроды дѣйствительно одарены несовершенною нервною системою, а потому и настолько бѣдны психическими силами, что этихъ послѣднихъ хватаетъ только на чисто-индивидуальную жизнь. Почти безъ исключенія это потомки душевно или нервно-больныхъ, пьяницъ и т. д.

Вслѣдствіе недоразвитія или ослабленія и утраты альтруистическихъ чувствованій душевно-больные не способны къ соціальной жизни: это ихъ глубокое отличие отъ здоровыхъ. Преступные люди тоже не способны къ общественной жизни, но душевно-больные въ этомъ отношеніи стоятъ неизмѣримо ниже даже преступниковъ. Самое возмутительное, жестокое и несправедливое обращеніе съ ними прислуги (теперь, къ счастію, это бываетъ очень рѣдко) никогда не вызывало между ними общаго, дружнаго протesta, а лишь месть со стороны нѣкоторыхъ за личныя обиды. Устроить что-либо сообща, даже самое легкое дѣло, напр., вечеринку, любительскій спектакль, безъ руководства здоровыхъ душевно-больные не могутъ, вовсе не отъ того, что имъ не хватаетъ умѣнья, знаній, сообразительности, а только потому, что они всегда живутъ лишь личною жизнью.

Эта неспособность жить жизнью человѣчества особенно рѣзко бросается въ глаза въ тѣхъ случаяхъ, когда больной весь поглощенъ умственою работою, когда всѣ его силы отданы умственному творчеству. Тогда какъ здоровый ав-

торъ находитъ величайшее наслажденіе въ томъ, чтобы сообщить свои идеи другимъ, душевно-больной во всемъ своемъ трудѣ ничѣмъ не интересуется, кроме своего я. Едва-ли нужно прибавлять, что нѣтъ болѣе самолюбивыхъ авторовъ, какъ душевно-больные. Повидимому, этому противорѣчить только то, что душевно-больные вообще крайне снисходительны къ мнѣніямъ другихъ. Проф. Фрезе *) даже видѣть въ этомъ превосходство душевно-больныхъ надъ здоровыми, что, конечно, совершенно не вѣрно. Терпимость, снисходительность душевно-больныхъ къ чужимъ мнѣніямъ зависитъ съ одной стороны отъ безучастія всякаго больного ко всѣмъ остальнымъ, а съ другой—отъ презрѣнія къ нимъ. Почти всѣ душевно-больные считаютъ своихъ сотоварищей сумасшедшими, дураками, притворщиками и т. п.

И такъ, сочувствие ближнимъ, вытекающая отсюда любовь къ людямъ и всѣ добродѣтели, въ основѣ которыхъ лежитъ эта любовь, свойственны людямъ въ той степени, въ какой у нихъ психическихъ силъ болѣе, чѣмъ нужно для удовлетворенія чисто - эгоистическихъ потребностей. При упадкѣ психическихъ силъ, который зависитъ отъ страданія нервной системы, раньше всего угасаетъ сочувствіе. Чѣмъ выше, чѣмъ совершеннѣе психическая организація, тѣмъ болѣе человѣкъ способенъ любить человѣчество.

Какъ извѣстно, многое въ нравственности основывается не на любви къ ближнимъ, а на другихъ началахъ. Это давало основаніе нѣкоторымъ мыслителямъ, наприм. Гельвецію **), утверждать, что человѣкъ совершенно не можетъ любить ближнихъ, что вся нравственность вытекаетъ изъ стремленія къ пользѣ. Не вдаваясь въ разборъ утилитаризма, можно согласиться, что многое въ области нравственности обусловлено стремленіемъ къ пользѣ. Многіе душевно-больные,

*) Очеркъ судебнай психологіи, 1878 г., стр. 144.

**) Это ученіе изложено въ его сочиненіяхъ: *De l'esprit*, Par. 1759, и *De l'homme*, Lond. 1772.

какъ было указано, не могутъ жертвовать удовольствіями настоящаго для удовольствій въ будущемъ, какъ бы интенсивны и продолжительны ни были эти послѣднія. Слѣдовательно, такие больные не могутъ быть нравственными даже въ смыслѣ утилитаристовъ.

Нѣкоторые ясно понимаютъ, какъ нужно поступать, чтобы достичнуть своихъ цѣлей, наприм., чтобы выйти изъ заведенія для душевно-больныхъ. Воздержность, вѣрность своему слову, краткое обращеніе съ окружающими — все это, конечно, обусловлено главнымъ образомъ разсчетомъ. Однако многіе душевно-больные, вполнѣ понимая, какъ нужно поступать, положительно не могутъ руководствоваться правилами, ими же одобряемыми. Главная тому причина — это относительное усиленіе низшихъ чувствованій и облегченное возникновеніе аффектовъ. Низшія чувствованія всегда болѣе импульсивны, чѣмъ высшія. Страхъ, злоба даже у хорошо владѣющаго собою легко переходитъ въ аффектъ; любовь къ истинѣ, самоуваженіе лишь въ исключительныхъ случаяхъ влекутъ къ аффектамъ. Кромѣ того сильная психическая организація, а слѣдовательно, и сильная воля выражается именно въ томъ, что воля овладѣваетъ теченіемъ психическихъ процессовъ, а потому прекращаетъ или, по меньшей мѣрѣ, уменьшаетъ аффекты. Аффектъ — это нарушение хода психическихъ процессовъ, направляемаго волею. Очевидно, чѣмъ сильнѣе воля, тѣмъ чаще она будетъ управлять ходомъ психическихъ процессовъ. Не менѣе ясно, что при ослабленіи психическихъ силъ, которое вызвано отравленіемъ или душевною болѣзнію, воля не можетъ уже управлять теченіемъ психическихъ процессовъ, а потому заболѣвшій становится игрушкой аффектовъ.

Между вырождающимися субъектами можно встрѣтить не мало несчастныхъ, одаренныхъ и умственными силами, и даже высшими чувствованіями, не чуждыхъ желанія быть полезными ближнимъ. Однако имъ никогда не удается устроить свою жизнь такъ, чтобы не быть въ тягость обществу. Изъ школы они уходятъ, не окончивши курса, въ избран-

ной профессіи никогда не достигаютъ совершенства, часто переходя отъ одной профессіи къ другой. Семейная жизнь ихъ оканчивается весьма печально. Ихъ увлеченія, неустойчивость, непостоянство — все это только нарушаетъ спокойствіе ихъ согражданъ. Если такие люди не лишены талантовъ, наприм., краснорѣчія, то они нѣкоторое время имѣютъ вліяніе на окружающихъ, но, надѣлавъ болѣе или менѣе зла, они кончаютъ свою карьеру окруженные презрѣніемъ и негодованіемъ. Ст旤итъ только припомнить карьеру Гордона и его участіе въ разрушениіи Лондона.

Конечно, эти психопаты не способны любить человѣчество. Чѣмъ бы ни утверждали утилитаристы, психіатръ, обращавшій вниманіе на нравственную сторону душевно-больныхъ, не можетъ согласиться, чтобы безъ любви къ людямъ можно было быть хорошимъ, настоящимъ человѣкомъ. Но мы знаемъ, что есть не мало дѣлъныхъ людей, эгоизмъ которыхъ не мѣшаетъ имъ быть полезными членами общества. Такие люди, разумно понимая свою пользу, устраиваютъ прекрасно собственную жизнь и бываютъ полезны другимъ, на сколько это необходимо для достиженія ихъ собственного счастія. Душевно-больные не могутъ быть добродѣтельны даже въ этомъ смыслѣ, потому что ослабленная воля ведетъ къ повышеннымъ аффектамъ. Если даже мотивы настоящаго и не достигаютъ той силы, чтобы вызвать аффектъ, все-таки они бываютъ черезчуръ сильны, чтобы побѣдить соображенія о собственной пользѣ, представленія о ближайшихъ удовольствіяхъ. Разсуждая совершенно правильно о цѣляхъ и средствахъ для ихъ достижения, многіе больные, даже не находясь во власти аффектовъ, почти всегда поступаютъ именно такъ, какъ не слѣдуетъ поступать для достижения намѣченныхъ цѣлей. Однимъ словомъ, мотивы пользы, играющіе столь важную роль въ жизни здоровыхъ людей, лишь рѣдко обусловливаютъ дѣятельность душевно-больныхъ.

Чувствованія, вызываемыя состояніемъ нашего тѣла, воспріятіями органовъ чувствъ, всегда сильнѣе воспроизведен-

ныхъ чувствованій; элементарныя, простыя чувствованія сильнѣе высшихъ, идеальныхъ *). Если бы человѣкъ руководствовался лишь относительною силою чувствованій, наполняющихъ его душу въ данный моментъ, мотивомъ его дѣйствій всегда были бы низшія чувствованія. Однако даже самые невоспитанные, грубые люди въ большинствѣ случаевъ руководствуются не сильнейшими относительно чувствованіями, а болѣе слабыми. Это происходитъ отъ того, что воля, направленная внутрь, т.-е. на ходъ психическихъ процессовъ, другими словами — вниманіе, вызываетъ на поверхность сознанія цѣлый рядъ представлений и сопряженныхъ съ ними чувствованій, которые въ своей совокупности часто оказываются сильнѣе первого элементарного чувствованія. Вниманіе вызываетъ воспоминанія о томъ, что поступки, обусловленные даннымъ низшимъ мотивомъ, вели за собою страданія, оно вызываетъ представлениа объ угрожающемъ наказаніи, о вредныхъ послѣдствіяхъ для здоровья, спокойствія и т. д. Опытъ прошлаго, привычка, привитая воспитаніемъ, цѣль котораго, по счастливому выражению Джемса Милля — „сдѣлать человѣка, на сколько это возможно, способнымъ создать какъ собственное счастіе, такъ и счастіе ближнихъ“, все это обусловливаетъ для человѣка возможность очень часто руководствоваться не низшими чувствованіями, сильнейшими въ данный моментъ, а мотивами пользы. Въ той степени, въ какой воспитаніе выработало эту способность, субъектъ при заболѣваніи душевною болѣзнью еще можетъ руководствоваться мотивами пользы. Сдержаные, благовоспитанные, порядочные въ общепринятомъ значеніи этого слова субъекты не рѣдко еще долго сохраняютъ эти выработанныя воспитаніемъ и жизнью качества. Напротивъ, тѣ больные, которые и до болѣзни не были способны руководствоваться мотивами пользы, при

*) Лейбницъ сказалъ совершенно вѣрно: „наличное ощущеніе небольшого ожога дѣйствуетъ на насъ гораздо сильнѣе, чѣмъ приманки величайшихъ удовольствій, представляемыхъ въ отдаленномъ будущемъ“ (Nouveaux Essais, кн. II).

заболѣваніи душевной болѣзнию совершенно не могутъ противостоять случайнымъ мотивамъ непосредственного наслажденія.

Самый рѣзкій примѣръ того, къ чему ведетъ неспособность руководствоваться мотивами пользы, т.-е. продолжительнаго наслажденія, но только въ болѣе или менѣе отдаленомъ будущемъ, представляютъ страдающіе врожденнымъ нравственнымъ слабоуміемъ. Эти больные, даже если они способны правильно разсуждать о своемъ положеніи, поступаютъ такъ, какъ могъ бы имъ посовѣтовать только ихъ злѣйшій врагъ. Они дѣлаютъ все для того, чтобы ихъ нельзя было освободить изъ заведенія, выйти изъ котораго они страстно желаютъ. Мало того,—значительную часть жизни они проводятъ въ буйномъ, т.-е. худшемъ отдѣленіи и даже въ изоляціонныхъ комнатахъ, которая во многихъ заведеніяхъ не лучше обыкновенного карцера. Даже трудно себѣ представить, какъ человѣкъ, понимающій, что ему вредно и что полезно, можетъ устроить свою жизнь самыемъ печальнымъ для себя образомъ. Правда, эти больные не понимаютъ интересовъ своихъ близкихъ, но они отлично сознаютъ, что заключеніе въ изоляціонной комнатѣ есть самое непріятное, что можетъ быть въ ихъ жизни, отлично знаютъ, какъ нужно вести себя, чтобы находиться въ отдѣленіяхъ для покойныхъ больныхъ, пользоваться относительной свободой и вообще тѣми удобствами, которая заведенія могутъ дать покойнымъ, безвреднымъ пациентамъ. Почему же они не могутъ достигнуть желаемой цѣли, почему не могутъ руководиться мотивами пользы? Наблюдая этихъ больныхъ, мы постоянно видимъ, что самые ничтожные мотивы удовольствія овладѣваютъ всѣмъ ихъ сознаніемъ. При отказѣ въ просьбѣ, обращенной къ врачу или надзирателю, больной сердится и бранится, хотя и знаетъ, что это не будетъ имѣть полезныхъ послѣдствій; при противодѣйствіи со стороны служителя, больной не можетъ не подраться; когда ему скучно, онъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи дразнить, ссорить другихъ больныхъ. Ничтожное удо-

вольствие, доставляемое этимъ развлечениемъ, для больного болѣе сильный мотивъ, чѣмъ всѣ продолжительная удовольствія, которыя онъ испытывалъ раньше, когда былъ въ отдаленіи для покойныхъ, и тѣхъ, которыя онъ могъ бы испытывать по выпискѣ изъ заведенія.

Для моралистовъ всегда представлялось неразрѣшимой загадкой, какъ люди могутъ предпочитать вредное полезному, хорошее дурному, почему такъ часто люди, даже когда счастіе легко достижимо, поступаютъ во вредъ самимъ себѣ. Самое простое разрѣшеніе этого противорѣчія то, что неспособность руководиться мотивами пользы зависитъ отъ невѣжества и малаго умственного развитія. Весьма категорически высказалъ этотъ взглядъ Сократъ *), утверждавшій, что нравственность основана на знаніи и благородуміи. Однако неосновательность такого толкованія была очевидна для большинства моралистовъ. Кромѣ того опытъ надъ душевно-больными, создаваемый самой природой, учитъ насъ, что не состояніе умственныхъ силъ опредѣляетъ способность руководствоваться мотивами пользы. Вниманіе не достаточно сильно для того, чтобы въ сознаніи съ должною ясностью удерживались представленія о будущемъ, о послѣдствіяхъ настоящаго поступка. Если же вниманіе и останавливаетъ въ сознаніи всѣ эти представленія и сопряженныя съ ними чувствованія, то достаточно непосредственнаго воспріятія и связанного съ ними чувствованія, чтобы теченіе представлений совершенно измѣнилось: бывшія въ сознаніи представленія вытѣсняются новымъ случайнымъ воспріятіемъ, больной живеть опять только настоящимъ и поступаетъ по мотивамъ наличнаго удовольствія. Вслѣдствіе слабости вниманія больной не можетъ долго думать объ отдаленной цѣли, не можетъ подавить въ себѣ представлений, вызываемыхъ дѣйствительностью. Что ослабленіе вниманія есть одно изъ первыхъ и главныхъ проявлений патологического состоянія нервной системы, доказывается многими фа-

*) Аристотель, Никомахова этика, VI, 13.

ктами. Мною это явление доказано экспериментально *). Значение внимания въ сферѣ нравственности особенно последовательно было развито Мэнъ-де-Бираномъ, который совершенно вѣрно опредѣлилъ внимание, какъ нравственную способность. Изъ современныхъ моралистовъ Маріонъ высказалъ взглядъ на значение внимания, вполнѣ подтверждаемый психіатріей. Онъ говоритъ: „порокъ не есть въ сущности незнаніе, а разсѣянность“ **).

Такимъ образомъ не упадокъ умственныхъ способностей, а ослабленіе воли—вотъ причина, почему душевная болѣзнь раньше всего дѣлаетъ человѣка неспособнымъ руководствоваться мотивами пользы. Понятно, что при дальнѣйшемъ ходѣ больной утрачиваетъ способность здраво разсуждать о собственной пользѣ. Ослабленіе воли необходимо должно вести къ безразсуднымъ поступкамъ даже при сохраненіи умственныхъ силъ. Только ослабленіемъ воли можно объяснить безразсудные поступки при такъ называемомъ резонирующимъ помѣшательствѣ. Крафтъ-Эбингъ *) вполнѣ правильно относитъ резонирующее помѣшательство къ разстройствамъ воли, а не умственной дѣятельности. Иначе и нельзя объяснить этого странного явленія: больной прекрасно разсуждаетъ, а поступаетъ безразсудно. Очевидно, онъ руководствуется впечатлѣніями минуты, а затѣмъ свои умственныя способности употребляетъ на объясненіе и оправданіе своихъ поступковъ.

Итакъ, при заболѣваніи нервной системы ослабѣваетъ и наконецъ совершенно утрачивается чувство симпатіи, а слѣ-

*) Измѣреніе времени элементарныхъ психическихъ процессовъ у душевно-больныхъ, „Вѣстникъ психіатріи“ 1885 г. (Результаты этого изслѣдованія были подтверждены д-ромъ Валицкой въ работѣ: Contribution à l'ѣtude des mensurations psychométriques chez les aliénés, а также „Къ вопросу о психофизическихъ измѣреніяхъ у душевно-больныхъ“, „Вѣстн. психіатріи“ 1888 г.). Объемъ сознанія у здоровыхъ и душевно-больныхъ, „Архивъ психіатріи“ 1887 г. Широта восприятія у душевно-больныхъ, „Архивъ психіатріи“ 1890, т. 16, стр. 23—38.

**) Oeuvres inédites, т. I, стр. 120.

***) Учебникъ психіатріи. Спб. 1890 г., стр. 120.

довательно, и всѣ альтруистическая чувствованія. Вмѣстѣ съ этимъ ослабѣваетъ и воля, а потому болѣной не можетъ преслѣдоватъ отдаленныхъ цѣлей, не можетъ руководствоваться мотивами пользы. Слѣдствіемъ ослабленія этихъ психическихъ процессовъ является разрушеніе нравственной личности, неспособность къ самостоятельной жизни въ обществѣ. Для насъ особенно важно установить, что ослабленіе нравственности есть первый и иногда единственный симптомъ болѣзненнаго состоянія нервной системы. Психологический анализъ душевной болѣзни выясняетъ намъ главные элементы, главныя основы нравственной стороны человѣка: объясняя причины нравственного паденія душевно-больныхъ, мы находимъ, какіе психические процессы подверглись болѣзненному измѣненію, а слѣдовательно, выясняемъ психологическія основы нравственности и, что особенно важно, находимъ ближайшую, непосредственную связь между дѣятельностью организма вообще и нервной системы въ частности, и нравственною сферою человѣка.

III.

Главный вопросъ въ этикѣ, до настоящаго времени составляющій предметъ горячаго спора, заключается въ томъ: исчерпывается-ли вся нравственная дѣятельность мотивами симпатіи и пользы, или есть еще другіе двигатели нравственной дѣятельности, другія основы нравственности? Вотъ вопросъ, который до настоящаго времени раздѣляетъ нравственныхъ философовъ на два лагеря. Посмотримъ, къ какимъ выводамъ приводитъ насть изученіе душевно-больныхъ, какое изъ двухъ учений о нравственности подтверждается наблюдениемъ надъ душевными болѣзнями.

Сравнивая между собою меланхолика, психическая дѣятельность котораго только угнетена, связана, и прогрессивнаго паралитика, разрушеніе психическихъ силъ котораго только - что началось, мы находимъ между ними ту существенную разницу, что первый доступенъ угрызеніямъ совѣсти, даже преувеличеннымъ, вслѣдствіе болѣзненнаго по-

вышенія чувствительности, а второй уже не способенъ къ этому психическому движенью. Меланхоликъ можетъ страдать вслѣдствіе дѣйствительного или только мнимаго нарушенія тѣхъ правиль нравственности, которыми онъ руководился всю жизнь. Но за то особенностью большинства, вѣрнѣе говоря — всѣхъ душевно-больныхъ, является неспособность вырабатывать себѣ правила нравственности, прогресировать въ нравственномъ отношеніи, стремиться къ нравственному совершенствованію. Слѣдовательно, сперва прекращается внутренняя работа, составляющая суть жизни всѣхъ людей, создающая правила нравственного поведенія, а затѣмъ при дальнѣйшемъ ходѣ болѣзни, когда-то выработанныя правила нравственности теряютъ свой повелительный характеръ, свое прежнее значеніе.

Чтобы правильно оцѣнить значение повелительного, безусловнаго характера нравственного закона для здороваго человѣка, необходимо изучать психическое состояніе тѣхъ больныхъ, въ душѣ которыхъ нѣтъ категорического императива, нѣтъ отличія между правилами нравственности и всѣми остальными. Нравственно-слабоумный не обладаетъ сочувствіемъ къ ближнимъ; онъ никого не любитъ, кроме себя, онъ не можетъ руководствоваться мотивами пользы въ томъ же объемѣ, какъ здоровый, но этимъ еще не исчерпывается его отличие отъ здороваго человѣка. Громадное большинство часто жертвуетъ своими интересами, подчиняясь правиламъ нравственности, потому что правила эти сознаются, — правда, иногда весьма смутно, — какъ обязательныя. Человѣкъ признаетъ эти правила для себя священными; онъ сознаетъ, что долженъ во что бы ни стало исполнять эти правила. Въ моменты наибольшаго душевнаго волненія, при спутанности сознанія, здоровый человѣкъ не забываетъ этихъ святыхъ для него законовъ, которые завладѣваютъ его волею и, слѣдовательно, оказываются сильнѣйшимъ мотивомъ. В. В. Верещагинъ, большая наблюдательность и полная правдивость котораго не подлежать никакому сомнѣнію, вотъ какъ описываетъ свое внутреннее состояніе въ наиболѣе опасный

моментъ во время вылазки, при осадѣ Самарканда возмутившими туземцами: «моя первая мысль была—не идуть (дрогнувшіе наши солдаты)—надо пойти впередъ; вторая — вотъ хороший случай показать, какъ надобно пойти впередъ». Если второй мотивъ и былъ честолюбіе, то первый, конечно, было сознаніе долга. Если же мы не подчиняемся нравственнымъ правиламъ, поступаемъ вопреки имъ, то испытываемъ болѣе или менѣе сильное неудовольствіе и даже страданіе, хотя-бы наши интересы не пострадали отъ нарушенія этихъ законовъ. Мы сознаемъ, что поступили дурно, и это сознаніе сопровождается непріятнымъ чувствованіемъ.

Нравственно-слабоумный не можетъ усвоить себѣ правиль нравственности, сколько бы его ни учили имъ. Большинство этихъ больныхъ прекрасно запоминаютъ, что хорошо и что дурно; они могутъ выучить самый подробный нравственный катехизисъ, но для нихъ все въ этомъ катехизисѣ навсегда остается мертою буквой. Самый лучшій педагогъ, самый лучшій проповѣдникъ не выяснитъ имъ, что ложь позорна, что прекрасно любить истину, отчество и т. п.; для нихъ навсегда остается непонятнымъ, почему другие любятъ добро и ненавидятъ зло; для нихъ не существуетъ ни зла, ни добра, а есть только непріятное и пріятное въ узко-эгоистическомъ смыслѣ; зло имъ известно лишь въ той степени, въ какой за него наказываютъ. Допуская даже, что многие здоровые только заучиваются отъ другихъ, что хорошо и что дурно, мы находимъ, что нравственно-слабоумные существенно отличаются и отъ такихъ людей тѣмъ, что не могутъ даже понять внутренняго смысла этихъ правилъ.

Конечно, прежде всего является предположеніе, что причиною такой психической аномалии слѣдуетъ считать недоразвитіе сочувствія къ близкимъ, но легко убѣдиться, что такое предположеніе совершенно неосновательно. Я ограничусь тѣми доказательствами, которыя даетъ намъ изученіе патологическихъ состояній нашей души *). Ни

*) Въ психологическомъ отношеніи хорошо выяснилъ происхожденіе нравственныхъ сужденій Брентано: *Vom Ursprung sittlicher Erkenntniss*, Lpz. 1889.

одинъ психіатръ не будетъ отрицать, что есть душевно-больные, способные сочувствовать радостямъ и страданіямъ близкихъ, способные жертвовать своими интересами для любимыхъ ими лицъ, но не способные руководствоваться мотивами долга. Самое главное, однако-же, то, что такие душевно-больные не страдаютъ, если дѣлаютъ зло, не испытываютъ наслажденія, если случайно дѣлаютъ добро. Значить, внутреннее принужденіе, связанное въ душѣ человѣка съ правилами нравственности, у нихъ отсутствуетъ. Добро и зло въ душѣ ихъ не имѣютъ того значенія, какъ у здоровыхъ людей, даже тогда, когда они еще не утратили сочувствія. Особенно характерна, какъ я вполнѣ въ томъ убѣдился, капризная любовь къ близкимъ у истеричныхъ. Многія истерички очень глубоко сочувствуютъ нѣкоторымъ близкимъ, любятъ ихъ, жертвуютъ своими выгодами для другихъ, но любовь ихъ лишена всякаго нравственного значенія, не имѣть ничего общаго съ нравственностью. Это — причуды, капризы. Для нихъ самихъ не понятны добро и зло. П. Гарнье *) сообщаетъ интересный случай платонической любви 34-хъ-лѣтней дѣвушки послѣдовательно къ двумъ братьямъ, молодымъ людямъ. Несчастная психопатка любила ихъ страстно, жертвовала всѣмъ своимъ состояніемъ для удовольствія своихъ возлюбленныхъ и, наконецъ, стала красть, чтобы доставить средства своему возлюбленному и его любовницѣ. Конечно, никто не станетъ прилагать понятій добра и зла къ чувствованіямъ и поступкамъ этой больной.

Распространенные взгляды на сущность нравственности такъ не ясны и не точны, что необходимо болѣе подробно выяснить самостоятельность понятій добра и зла. Обыкновенно, подъ вліяніемъ ученій позитивистовъ и эволюціонистовъ, принимаютъ, что поступки, основанные на любви къ людямъ, нравственны, что мотивированные эгоистически—безнравственны. Первые составляютъ добро, вторые зло. Однако

Отчетъ объ этомъ труду см. во 2-й кн. „Вопросовъ Философіи и Психологии“ за 1890 г., стр. 92—94.

*) La folie à Paris, стр. 391—402.

никто не рѣшится утверждать, что поступки и чувствованія сами по себѣ могутъ быть добры или злы. Все зависитъ отъ нашего отношенія къ нимъ. Въ природѣ нѣтъ ни свѣта, ни тьмы, ни сладкаго, ни горькаго, ни прошедшаго, ни будущаго,—наше сознаніе создаетъ для себя эти феномены. Тѣмъ болѣе поступки, мотивированные альтруистическими или какими-либо другими чувствованіями, сами по себѣ не могутъ быть ни добры, ни злы. И такъ, отнесеніе извѣстныхъ поступковъ въ особую группу и дѣленіе ихъ на двѣ категоріи—хорошіе и дурные—составляетъ особое самостоятельное явленіе въ душѣ человѣка, и есть люди, въ душѣ которыхъ не бываетъ этого явленія, для которыхъ нѣтъ ни добра, ни зла, нѣтъ сознанія долгаго дѣлать добро и избѣгать зла. Больные, лишенные этой способности составляютъ самое лучшее подтвержденіе самостоятельности этого психическаго явленія. На основаніи опыта, дѣлаемаго самою природою, мы можемъ утверждать, что ни альтруистическія чувствованія сами по себѣ, ни дѣятельность во имя пользы еще не составляетъ нравственности, что больные, способные руководиться альтруистическими чувствованіями и мотивами пользы, могутъ сильно отличаться отъ нормальныхъ людей и считаться невмѣняемыми. Душевно-больные отличаются отъ здоровыхъ тѣмъ, что въ ихъ душѣ нѣтъ самаго высшаго ея украшенія—нравственнаго закона. Чѣмъ человѣкъ больше думаетъ, чѣмъ больше приближается къ совершенству, тѣмъ болѣе онъ благоговѣетъ передъ величиемъ этого высшаго проявленія человѣка. Вотъ почему всякий мыслящий человѣкъ повторить вслѣдъ за Кантомъ: „двѣ вещи все больше и больше наполняютъ мою душу изумленіемъ и благоговѣніемъ, чѣмъ чаще и продолжительнѣе останавливается на нихъ моя мысль,—звѣздное небо надо мною и нравственный законъ во мнѣ“.

Вопросъ, ослабленіе и разрушеніе какихъ способностей, и какъ приводитъ къ тому, что больной не пони-

*) Кантъ, Критика практическаго разума, заключеніе.

маетъ добра и зла, не сознаетъ своей обязанности подчиняться правиламъ нравственности,—этотъ вопросъ представляетъ громадныя затрудненія, главнымъ образомъ потому, что всѣ мы восприняли болѣе или менѣе глубоко современные ученія о нравственной природѣ человѣка. Отрѣшившися отъ этихъ ученій мы часто бываемъ не въ силахъ. Взглядъ, что человѣка можно считать нравственнымъ въ той степени, въ какой у него развиты альтруистическая чувствованія, что съ развитіемъ человѣчества все болѣе развиваются эти послѣднія, что человѣкъ наслѣдственно, путемъ воспитанія и общежитія привыкъ считать для себя обязательнымъ, нравственнымъ, добрымъ то, что полезно человѣчеству,—такой взглядъ сдѣлался всеобщимъ достояніемъ, и мы не видимъ и не понимаемъ того, что опровергаетъ это ученіе, унижающее человѣческое достоинство. Изучая душевно-больныхъ и лицъ, стоящихъ на границѣ помѣшательства, я всегда удивлялся ихъ индиферентизму къ добру и злу. Изучая бредъ больныхъ, ихъ галлюцинаціи, я также долженъ былъ отмѣтить, что больные нисколько не интересуются нравственнымъ; я не помню ни одного больного, бредъ величія котораго заключалъ бы въ себѣ что-либо доброе. Дѣйствительность даже для больныхъ съ самою пылкою фантазіей не подлежитъ исправленію съ точки зрењія идеала; она никогда не тяготитъ ихъ, никогда они не находятъ свою жизнь, какъ жизнь человѣка вообще, неполною, несоответствующею болѣе или менѣе ясно сознаваемому идеалу. Нельзя не обратить вниманія, что при меланхоліи, психозѣ правиль но развитого мозга, однимъ изъ главныхъ проявленій болѣзни оказывается бредъ самообвиненія; при первичномъ сумасшествіи, болѣзни неправильно развитого мозга,—бредъ преслѣдованія сочетается съ бредомъ величія. Нѣкоторые меланхолики страдаютъ бредомъ самообвиненія въ безнравственныхъ поступкахъ, но и тутъ проявляется, на сколько больной ниже въ нравственномъ отношеніи здороваго: меланхоликъ страдаетъ главнымъ образомъ потому, что увѣренъ въ грядущемъ наказаніи.

Всякий нормальный человѣкъ невольно подъ вліяніемъ внутренней, непреодолимой потребности стремится понять сущность окружающего его міра и главнымъ образомъ смыслъ своего существованія. Человѣкъ никогда не можетъ удовлетвориться одною дѣйствительностью, на сколько она дается нашему сознанію, какъ рядъ представлений. Рядомъ съ отпечатками внѣшняго міра, въ душѣ человѣка образуется свой внутренній міръ, которому ничто не соотвѣтствуетъ во внѣшнемъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни идей, ни причинъ, ни цѣлей. Поэтому въ душѣ человѣка идетъ работа въ двухъ направленіяхъ—онъ стремится имѣть возможно точные и полные отпечатки внѣшняго міра, т.-е. представлений, и вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываетъ общія понятія о предметахъ и явленіяхъ, воспринятыхъ въ формѣ представлений. Мало того,—нашъ разумъ, отвлекая только нѣкоторые признаки многихъ предметовъ и явленій, создаетъ идеи, воплощающія не то, что есть въ дѣйствительности, а только возможное и желательное. Человѣкъ такимъ образомъ дополняетъ и, такъ сказать, исправляетъ дѣйствительность, измѣряетъ и оцѣниваетъ ее по отношенію къ идеаламъ.

Для нашей воли вообще нѣтъ мотивовъ болѣе повелительныхъ, чѣмъ идеалы. Только идеалы могутъ двигать цѣльными массами. Нѣтъ той силы на землѣ, которая можетъ преградить путь къ достижению дорогихъ людямъ идей. Если человѣкъ исправилъ, дополнилъ дѣйствительность, создалъ себѣ идеалы и полюбилъ ихъ, то достижениѳ этихъ идеаловъ для него дѣлается обязательнымъ. Содержаніе идеаловъ мѣняется, потому что они суть послѣдніе выводы изъ познанія всего окружающаго, полученные путемъ высшихъ логическихъ операций. Эта чудная способность человѣка—не удовлетворяться дѣйствительностью, дополнять ее продуктами собственного творчества и дѣлать все для осуществленія своихъ идеаловъ—даетъ намъ право думать, что наши мысли суть одно изъ звеньевъ вселенной, что онѣ не менѣе реальны и вѣчны, чѣмъ матерія.

Никто не можетъ доказать научнымъ путемъ, что чело-

въкъ обязанъ любить ближнихъ, что счастіе и совершенство человѣчества должны быть нашимъ высшимъ идеаломъ. Мы считаемъ однако счастіе и совершенство человѣчества высшимъ идеаломъ, опредѣляемъ достоинство нашихъ поступковъ, потому что понимаемъ назначеніе и цѣль нашей жизни, какъ служеніе человѣчеству. Утилитаристы не могутъ доказать, что нравственно, прекрасно—живь на пользу человѣчества, не могутъ даже выяснить, въ чемъ состоитъ высшее настоящее счастіе человѣка. Всякій нормальный человѣкъ вполнѣ согласенъ съ Д. С. Миллемъ, что „лучше быть недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ счастливой свиньей, лучше быть недовольнымъ Сократомъ, чѣмъ счастливымъ дуракомъ“; но ни Милль, ни кто другой не можетъ доказать справедливость этого заключенія иначе, какъ метафизически. Только наши недоказуемыя метафизическая идеи о нашемъ назначеніи и цѣли нашего существованія объясняютъ, почему для насъ лучше страдать, почему насъ не можетъ сдѣлать счастливымъ удовлетвореніе всѣхъ животныхъ потребностей. Тѣмъ менѣе можно доказать, что человѣкъ долженъ жертвовать собою для пользы ближнихъ, для торжества дорогихъ ему идей, во имя идеаловъ.

Признавая невозможнымъ доказать эмпирически необходимость самопожертвованія, мы вмѣстѣ съ Фулье должны сказать, что „самое высокое дѣйствіе—это именно размышленіе надъ великимъ неизвѣстнымъ: актъ самопожертвованія есть метафизическая гипотеза“ *). Только высшій, безусловный идеалъ, освѣщающій намъ наше назначеніе и цѣль нашего существованія, дѣлаетъ для насъ прекрасною, доброю любовь къ ближнимъ,—объясняетъ намъ, въ чемъ состоитъ полезное для человѣчества, и почему мы должны даже жертвовать собою для счастія человѣчества. Только то, что относится къ выполненію нашего высшаго назначенія, къ до-

*) A. Eouillee, L'avenir de la mѣtaphysique, Par. 1889, стр. 188. Отчетъ объ этомъ труда см. въ 3-й кн. „Вопросовъ Философіи и Психологіи“ 1890 г., стр. 88—91.

стиженю высшей цѣли нашего существованія, входитъ въ сферу нравственности.

Что это дѣйствительно вѣрно, показываетъ изученіе тѣхъ душевно-больныхъ, которые не понимаютъ добра и зла, которые не имѣютъ идеаловъ, для руководства при опредѣленіи добра и зла, не имѣютъ нравственныхъ правилъ. Они преслѣдуютъ только условныя цѣли, ихъ слабый отъ рожденія или ослабѣвшій отъ болѣзни умъ не подымается до высшаго пониманія міра, до метафизического пониманія смысла жизни. Въ ихъ душѣ нѣтъ безусловнаго идеала, этого указателя добра и зла, потому что они не идутъ дальше воспріятія дѣйствительности.

• При изслѣдованіи вырождающихся, неуравновѣшенныхъ въ психическомъ отношеніи лицъ, на которыхъ перенесенная душевная болѣзнь оставила нѣкоторые слѣды (выздоровленіе съ дефектомъ), я всегда убѣждался, что они не могутъ—да и не стремятся—понять общаго, высшаго смысла жизни. Они довольствуются въ лучшемъ случаѣ лишь точнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности; общія же идеи о причинѣ, началѣ, концѣ и цѣли сущаго ихъ не интересуютъ и имъ не доступны. Особенно интересно изученіе такихъ несовершенныхъ лицъ, если они получили высшее образованіе. Не могу забыть одного врача, болѣзнь которого долго протекала, какъ нравственное сумасшествіе. Много часовъ провелъ я съ нимъ, стараясь выяснить ему, что кромѣ пріятнаго и непріятнаго, вѣрнаго и ложнаго, есть еще доброе и злое, но всѣ мои попытки не увѣнчались ни малѣйшимъ успѣхомъ. Его доводы были весьма послѣдовательны и, нужно согласиться, вполнѣ разумны. Онъ настаивалъ, что нѣтъ ничего, что убѣждало бы его дѣлать что-либо кромѣ того, что ему пріятно. У него не было никакихъ идеаловъ, кромѣ идеала личнаго счастія,—впрочемъ, и тотъ былъ спутанъ. Умъ, на столько несовершенный, что не можетъ возвыситься надъ міромъ явлений и обнять общею идею все существующее, не въ силахъ понять, что такое долгъ. Вотъ почему нравственно-слабоумные не могутъ понимать добра и зла, вслѣдствіе

чего имъ никогда нельзя выяснить, что такое долгъ. Чтобы показать, до какой степени можетъ доходить неуваженіе къ человѣку у вырождающихся лицъ съ несовершеннымъ мозгомъ, сошлюсь на опубликованную мною исторію болѣзни больного, совершившаго нѣсколько поджоговъ. Несмотря на то, что онъ учился въ высшемъ заведеніи и могъ въ обычныхъ условіяхъ жизни поступать, какъ вообще порядочные люди, онъ совершенно не понималъ, какое ужасное преступленіе лежитъ на его совѣсти: на пожарѣ лишился жизни его товарищъ. Не могу забыть одного алкоголика, человѣка въ общепринятомъ смыслѣ хорошаго, убившаго въ алкогольномъ трансѣ свою жену. Всѣ мои усилия объяснить ему значеніе его преступленія не привели ни къ чему. Онъ настойчиво утверждалъ, что его жена сама виновата, что дурнымъ своимъ характеромъ она побудила его на преступленіе, что въ сущности нужно жалѣть обѣ немъ, такъ какъ за это дѣяніе онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, въ больницѣ, лишился мѣста и т. д. Эти больные никакъ не могли понять, что человѣкъ не средство, а цѣль, что они сдѣлали величайшее преступленіе. Такихъ примѣровъ можно привести много. Поразительная неспособность понять добро и зло, отсутствіе нравственного закона въ душѣ этихъ больныхъ глубоко изумляетъ наблюдателя: то, что для всякаго нормального человѣка такъ ясно, такъ убѣдительно,—для нравственно-слабоумныхъ положительно не доступно. .

IV.

И такъ, патологическое состояніе прежде всего ведетъ къ ослабленію нравственности. Не устанавливая пока порядка, въ какомъ идетъ разрушеніе элементовъ нравственной сферы, мы однако можемъ сказать, что недоразвитіе или разрушеніе идеаловъ и сопряженныхъ съ нимъ чувствованій есть самое первое проявленіе несовершенства нервной системы. Затѣмъ болѣзнь нервной системы ведетъ къ ослабленію и, далѣе, къ полной утратѣ симпатіи къ близкимъ. Наконецъ, болѣзнь нервной системы ведетъ къ ослабленію

воли, почему больной не можетъ руководствоваться мотивами собственной пользы, даже если онъ вполнѣ разумно понимаетъ свои интересы. Такъ какъ недоразвитіе нравственной сферы нерѣдко наблюдается при сравнительно удовлетворительномъ развитіи умственныхъ способностей, душевная болѣзнь прежде всего разрушаетъ нравственность больного и лишь затѣмъ его умственные способности, то мы въ правѣ утверждать, что нравственность есть самое сложное, высшее проявленіе нашей души, а слѣдовательно, и нервной системы, что нравственное совершенство еще болѣе, чѣмъ умственное, возможно только при вполнѣ здоровой нервной системѣ.

Этотъ основной выводъ, полученный путемъ изученія послѣдствій отравленія нервной системы, подтверждается наблюденіями надъ сновидѣніями, изученіемъ врожденныхъ преступниковъ и, наконецъ, данными всемирной исторіи.

Давно замѣчено, что въ сновидѣніяхъ человѣкъ не испытываетъ угрызеній совѣсти, такъ какъ онъ не понимаетъ безнравственности имъ совершаемаго. Карпентеръ *) сообщаетъ, что одинъ его знакомый, человѣкъ глубоко-религіозный, видѣлъ во снѣ, будто онъ совершилъ преступленіе, при чемъ боялся быть повѣшеннымъ; сознанія же, что онъ совершилъ безнравственный поступокъ и угрызенія совѣсти совсѣмъ не было. Каждый изъ насъ подтвердить, что въ сновидѣніяхъ онъ почти никогда не дѣлаетъ добрыхъ дѣлъ, никогда не борется съ эгоистическими побужденіями, всегда живетъ узко-эгоистическою жизнью.

Несовершенство нервной системы врожденныхъ преступниковъ едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Если еще не вполнѣ выяснено, въ чемъ состоить это несовершенство, то все-таки фактовъ весьма достаточно, чтобы утверждать, что нервная система многихъ врожденныхъ преступниковъ менѣе совершенна, чѣмъ у здоровыхъ людей. Дальнѣйшія изслѣдованія выяснятъ, въ чемъ состоить это несовершенство,—есть-ли

*) The Cyclopaedia of Anatomy and Physiology, т. IV, стр. 2.

это атавизмъ, или болѣзнь, или, наконецъ, особая форма несовершенства. Даже такой строгій критикъ итальянской школы криминалистовъ, какъ Тардъ *), признаетъ доказательность изслѣдованія Марро, который нашелъ, что у 53% убійцъ родители были старше 40 лѣтъ; процентъ честныхъ людей въ два раза меньше; родители преступниковъ умираютъ отъ мозговыхъ болѣзней въ два раза чаще, чѣмъ родители честныхъ людей. Слѣдовательно, потомки ослабѣвшихъ или больныхъ организмовъ менѣе, чѣмъ потомки здоровыхъ, способны быть нравственными. Впрочемъ, учение криминальной антропологии на столько общеизвѣстно, что едва-ли есть надобность приводить доказательства непосредственной ближайшей зависимости между степенью совершенства нервной системы и степенью нравственности, представляемая этою областью знаній. Вся задача этого ученія, вся оригинальность его и состоитъ именно въ томъ, что оно ищетъ установить и выяснить связь между строеніемъ и функциями нервной системы и нравственною стороною человѣка. Эта школа вполнѣ вѣрно поняла, что преступленіе должно быть предметомъ физиологического, а не соціологического изученія, и Мануврье **) совершенно ошибочно утверждаетъ противное.

Наконецъ, исторія всѣхъ народовъ подтверждаетъ заключеніе, что нравственность пропорціональна здоровью нервной системы. Нравственность христіанскаго ученія была мало доступна изнѣженному греко-римскому міру: первые, воспринявши это небесное слово, были крѣпкіе, здоровые рыбаки. Молодыя, здоровыя, полныя силь германскія и славянскія племена раньше другихъ народовъ и вполнѣ ихъ приняли евангельскую нравственность. Мы и теперь видимъ, что здоровыя, способныя къ жизни племена, наприм. негры, скоро усваиваютъ евангельскія истины. Способность воспринять и осуществить- это ученіе есть вѣрный залогъ жизнеспособ-

*) Philosophie r  nale, стр. 177.

**) Второй международный конгрессъ по криминальной антропологии. „Вопросы Философіи и Психологии“ 1890 г., книга 2, стр. 23—25.

ности народа. Вырожденіе и вымираніе народа прежде всего выражается упадкомъ его въ нравственномъ отношеніи, какъ это доказывается исторіей многихъ государствъ.

Вырожденіе и вымираніе отдельныхъ семей также начинается упадкомъ въ нравственномъ отношеніи. Морель, на основаніи многихъ наблюдений, считаетъ типическимъ слѣдующій порядокъ вымиранія семей: въ первомъ поколѣніи извращеніе нравственности, алкогольные излишества, во второмъ—пьянство, маніакальные приступы, прогрессивный параличъ, въ третьемъ — ипохондрія и меланхолія, въ четвертомъ — слабоуміе, идіотизмъ, вымираніе семьи. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что потомки преступниковъ и пьяницъ, чаще чѣмъ потомки честныхъ и трезвыхъ людей, страдаютъ душевными болѣзнями.

Здравый смыслъ народовъ всегда понималъ ближайшую непосредственную связь между здоровьемъ и нравственностью, выдѣляя этику и медицину и ставилъ ихъ подъ охрану религіи, поручалъ однимъ и тѣмъ же лицамъ заботу какъ о своемъ здоровье, такъ и о своей нравственности. Основатель самой практической религіи, Магометъ, какъ известно, правила гигіиены—омовенія, неупотребленіе спиртныхъ напитковъ, свинины—возвелъ въ законы религіи, что показываетъ, какое важное значение онъ придавалъ физическому здоровью.

В. Чижъ.